

13. Blum, Y.Z. UN Membership of the «New» Yugoslavia: Continuity or Break? / Y.Z. Blum // American J. of International Law. – October 1992. – Vol. 86, № 4. – P. 830–833.
14. Государства – члены ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/members/>. – Дата доступа: 01.03.2015.
15. Mullerson, R.A. International Law, Rights and Politics: Developments in Eastern Europe and the CIS / R.A. Mullerson. – London; N. Y.: Routledge, 1994. – 230 p.
16. Аман, Э. Взгляд европейских юристов на распад СССР / Э. Аман // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 220–230.
17. О членстве государств – участников СНГ в ООН [Электронный ресурс]: Решение Совета глав государств СНГ, 21 дек. 1991 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
18. Послание Б. Н. Ельцина Генеральному Секретарю ООН, 24 дек. 1991 г. // Действующее междунар. право: в 3 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 475.
19. О направлении ООН Ноты Министерства иностранных дел Российской Федерации от 26 декабря 1991 г. о продолжении участия Российской Федерации вместо СССР в ООН, ее органах и международно-правовых документах [Электронный ресурс]: Нота постоянного Представительства Российской Федерации при Организации Объединенных Наций, 27 дек. 1991 г., № 1089/н // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
20. О международно-правовом статусе России и других государств – участников СНГ как правопреемников СССР // Дипломат. вестн. – 1992. – № 3. – С. 28–29.
21. Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик, 23 дек. 1991 г. // Действующее междунар. право: в 3 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 159–161.
22. Черниченко, С. В. Теория международного права: в 2 т. / С. В. Черниченко. – М.: НИМП, 1999. – Т. II: Старые и новые теоретические проблемы. – 531 с.
23. An Official Note from the Permanent Mission of Yugoslavia to the UN, addressed to the Secretary General of the UN, 27 April 1992 [Электронный ресурс]: UN doc. A/46/915, Ann. I // International Court of Justice, Digest of Judgments and Advisory Opinions Canon and Case Law 1946–2012 / ed. by G. Dahloff. – Mode of access: https://books.google.by/books?id=pV8yAQAAQBAJ&pg=PA1204&lpg=PA1204&dq=un+doc+a/46/915&source=bl&ots=NgM5rQB0TN&sig=ApnC3zEAREZCCXLE_iGFK1XzkMc&hl=ru&sa=X&ei=oRW8VJfnCMj8UsC9gdgP&ved=0CB0Q6AEwBA#v=onepage&q=un%20doc%20a%2F46%2F915&f=false. – Date of access: 01.03.2015.
24. Willson, C.L. Changing the Chapter: The United Nations Prepares for the Twenty-First Century / C.L. Willson // American J. of International Law. – January 1996. – Vol. 90, № 1. – P. 115–126.
25. Correspondents' Agora: UN Membership of the Former Yugoslavia // American J. of International Law. – April 1993. – Vol. 87, № 2. – P. 240–251.
26. Pellet, A. The Opinions of the Badinter Arbitration Committee. A Second Breath for the Self-Determination of Peoples. Appendix: Opinions of the Arbitration Committee [Electronic resource] / A. Pellet // European J. of International Law. – 1992. – Vol. 3, № 1. – Mode of access: <http://www.ejil.org/pdfs/3/1/1175.pdf>. – Date of access: 01.03.2015.
27. Recognition of New States: Annexes [Electronic resource] // European J. of International Law. – 1993. – Vol. 4, № 1. – Mode of access: <http://www.ejil.org/pdfs/4/1/1227.pdf>. – Date of access: 01.03.2015.
28. Declaration by the European Council on Former Yugoslavia [Electronic resource]: document 4b/68, 26–27 June 1992 // European Foreign Policy. Key Documents / ed. By Ch. Hill, K.E. Smith. – P. 366–367. – Mode of access: http://hist.asu.ru/aes/EFP_Documents_0415158222.pdf. – Date of access: 01.03.2015.

29. Historical Information [Electronic resource] // United Nations Treaty Collection. – Mode of access: <http://treaties.un.org/pages/HistoricalInfo>. – Date of access: 01.03.2015.

30. Unification Treaty, 31 August 1990 [Electronic resource] // German History in Documents and Images (GHDI). – Mode of access: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=78. – Date of access: 01.03.2015.

31. Papenfuß, D. The Fate of the International Treaties of the GDR within the framework of German Unification / D. Papenfuß // American J. of International Law. – July 1998. – Vol. 92, № 3. – P. 469–488.

Дата поступления в редакцию: 09.02.2015

Карлюк М. В.

*научный сотрудник Международной лаборатории
права и развития ВШЭ-Сколково,*

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», магистр европейского права (LLM)*

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В данном исследовании рассматриваются проблемные вопросы системы обеспечения права Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор указывает на ряд особенностей, которые могут негативно сказаться на достижении поставленной перед Судом ЕАЭС цели. К таким элементам относятся неспособность Евразийской экономической комиссии обращаться в суд, отсутствие процедуры преюдициального запроса, узкое понимание толкования норм права и определенная зависимость судей от государств-членов. В связи с этим автор приходит к выводу о возможности избегания государствами-членами выполнения своих обязательств, о потенциальном отсутствии единообразного правоприменения и что это не будет способствовать дальнейшей интеграции.

Международное правосудие обычно понимается как деятельность, которая осуществляется определенными международными судебными учреждениями в рамках и объеме, согласованных государствами как субъектами международного права, по вопросам, которые определяются компетенцией данных международных судебных учреждений в их учредительных документах в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права [1, с. 159]. В связи со вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе [2] была создана новая международная организация региональной экономической интеграции – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В рамках данной организации вышеуказанную деятельность осуществляет Суд ЕАЭС, который определен как постоянно действующий судебный орган организации (п. 1 арт. 19 Договора о ЕАЭС). Целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Договора о ЕАЭС международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Поскольку ЕАЭС является новой организацией, то исследований, посвященных ЕАЭС и системе обеспечения права в рамках организации, не так много. Однако стоит особо отметить некоторые исследования, как новой организации, так и образований в рамках процесса интеграций, в частности критические работы Е. Т. Байльдинова [3] [4], сравнительно-правовые исследования под редакцией С. Ю. Кашкина [5] [6], анализ судебной практики А. С. Исполинова [7] [8] [9] и комментарии судей и сотрудников международных судебных учреждений [10] [11] [12]. В то же время ряд определяющих для обеспечения права ЕАЭС вопросов остались вне поля зрения исследователей, и они будут раскрыты в данной работе.

Целью данного исследования является определение способности Суда ЕАЭС достигнуть поставленной перед ним цели – обеспечить единообразное применение права ЕАЭС. Для достижения данной цели проводится краткий анализ функционирования судебных учреждений в рамках евразийской интеграции, анализ положений правовых актов, регулирующих деятельность Суда ЕАЭС, а также проводится сравнительный анализ с функционированием наиболее успешной организации региональной интеграции – Европейским союзом (ЕС).

Ранее Суд ЕврАзЭС являлся судебным учреждением как ЕврАзЭС, так и Таможенного союза и Единого экономического пространства [13] и действовал с 1 января 2012 г. до 31 декабря 2014 г. Еще ранее функции Суда ЕврАзЭС исполнял Суд СНГ [14] [15]. Как отмечал Председатель Экономического Суда СНГ Ф. А. Абдуллоев, «В условиях укрепления сотрудничества государств Евразийского экономического сообщества и в целях оптимизации процесса отправления правосудия на постсоветском пространстве вполне логичным и обоснованным стало решение о делегировании Экономическому Суду СНГ правомочий по разрешению споров и толкованию в рамках данного интеграционного объединения» [11, с. 37]. Действительно, Суд СНГ имеет специфический статус и не привязан исключительно к СНГ в связи с тем, что, как отмечает Г. Г. Шинкарецкая, Суд СНГ не определен в Уставе СНГ, принятом 22 января 1993 г., как орган Содружества, не предусмотрена его связь с другими органами и он действует «сам по себе» [16]. В то же время, на наш взгляд, передача таких дополнительных полномочий суду, который руководствуется отличными правовыми актами, является логичным и обоснованным только с точки зрения оптимизации, однако не интеграции, а также не с точки зрения надлежащего правоприменения. Судьи были вынуждены разрешать дела и давать консультативные заключения в разных правовых порядках: СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Договоры, на которых основаны данные правовые порядки, имеют разные цели и контекст, что создает сложности, особенно с учетом ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [17], согласно которой договор должен толковаться в соответствии с обычным значением, которое необходимо придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Из этого следует, что судьи при толковании договоров должны применять нормы права, в том числе похожие или одинаково сформулированные, но в соответствии с разными подходами, методами и концепциями, для

того чтобы учитывать природу каждого из договоров и его специфические цели. Вопрос похожего характера рассматривал Суд ЕС в деле «ЕЕА I» в 1991 г., где он определял, среди прочего, возможность одновременного нахождения судей в разных судах и применения похожих или одинаково сформулированных норм права, и решил, что такое положение не позволит им разрешать дела надлежащим образом [18].

Таким образом, данная ситуация не могла способствовать интеграции, поскольку игнорировалась специфическая и отличная природа разных интеграционных образований. На наш взгляд, такое положение возможно исключительно как переходное и временное с точки зрения оптимизации использования ресурсов. Однако оно просуществовало 8 лет, что нельзя охарактеризовать положительно. Это в конце концов было косвенно признано в докладе о формировании и организации деятельности Суда ЕврАзЭС в соответствии с решением Межгоссовета ЕврАзЭС (одновременно Высшего органа Таможенного союза) от 15 марта 2011 г. № 75, где совмещение в полномочиях Экономического Суда СНГ полномочий Суда ЕврАзЭС и Таможенного союза рассматривалось как временное явление, рассчитанное исключительно до введения в действие Статута Суда ЕврАзЭС и начала его полноценного функционирования. Так, в докладе отмечается, что «[т]акое положение дел не отвечает сегодняшним реалиям, в том числе интенсивному развитию процессов в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Очевидной в такой ситуации является необходимость создания Суда ЕврАзЭС как отдельного самостоятельного судебного органа» [19].

С учетом вышеотмеченного мы считаем очень важным фактором создание отдельного органа правосудия ЕАЭС, который обладает полномочиями исключительно в рамках ЕАЭС. Рассмотрим теперь способность Суда ЕАЭС обеспечить функционирование правового порядка ЕАЭС.

Для этой цели суду необходимы соответствующие процедуры и инструменты. Статут Суда ЕАЭС [20] определяет, что суд рассматривает споры, которые возникают по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению государства-члена или хозяйствующего субъекта. Государства-члены могут инициировать вопросы соответствия международного соглашения в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС; о выполнении другими государствами-членами Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, или отдельных положений; о соответствии решения Евразийской экономической комиссии (ЕЭК, Комиссия) или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии (п. 39 Статута).

Положительным моментом является сохранение процедуры, созданной в рамках Суда ЕврАзЭС, когда хозяйствующие субъекты, в том числе иностранные, могут инициировать дела о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, которые непосредственно затрагивают права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и другой экономиче-

ской деятельности, Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, когда такие права и интересы были нарушены. Существует также аналогичная процедура и в отношении действий (бездействия) Комиссии.

Однако обращает на себя внимание отсутствие двух процедур, которые были доступны в рамках Суда ЕврАзЭС: 1) способности Комиссии обратиться в Суд для обеспечения выполнения государствами – членами Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, или отдельных положений; 2) преюдициального запроса. Важность данных процедур обусловлена, во-первых, тем, что в их отсутствие государства-члены могут избежать выполнения своих обязательств, а во-вторых, необходимостью обеспечения единообразного толкования и применения права ЕАЭС.

В первом случае, касательно обращения в Суд в случае нарушения права ЕАЭС государством-членом, такое право имеют только сами государства-члены, но не Комиссия. Однако, как показывает многолетняя практика ЕС, одно государство редко подает в Суд ЕС против другого, поскольку это является признаком недоброжелательности и существует опасность аналогичных действий против них в будущем, и государства отдают предпочтение политическому разрешению споров [21, р. 433].

Такие полномочия Комиссии были предусмотрены в ст. 20 Договора о ЕЭК 2011 г. [22]. В случае, если в результате проводимого Коллегией Комиссии мониторинга исполнения международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, возникают основания полагать, что одна из сторон не исполняет международные договоры, формирующие договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и (или) решения Комиссии, то Коллегия Комиссии решением, принятым двумя третями голосов, направляет стороне уведомление о необходимости обязательного исполнения соответствующего международного договора и (или) решения Комиссии и устанавливает разумный срок, в течение которого сторона обязана устранить такое нарушение. В случае если в установленный срок сторона не исполняет решение, Коллегия Комиссии выносит соответствующий вопрос на рассмотрение Совета Комиссии. В случае если Страна не исполняет решение Совета, Коллегия имела право обратиться в Суд ЕврАзЭС. На любой стадии рассмотрения Суд ЕврАзЭС по ходатайству Коллегии Комиссии или государства, права которого нарушены, в течение 45 календарных дней с даты поступления ходатайства в Суд ЕврАзЭС рассматривает вопрос о введении разумных временных мер, в том числе обеспечительного характера, в целях обеспечения исполнения решения Суда ЕврАзЭС или предотвращения возможного нарушения предусмотренных прав и законных интересов. Возможность дойти до данной стадии была невелика в связи с тем, что Совет Комиссии принимал решения консенсусом, и государство, в отношении которого выявлено нарушение, могло заблокировать любое решение Совета (а в случае, если дело все-таки дошло бы до судебного рассмотрения, в доктрине отмечается неоднозначность того, чем могли быть «разумные временные меры» [4, с. 20]). Также в случае неисполнения решения Суда ЕврАзЭС вопрос передавался на рассмотрение в Высший совет с единогласным порядком принятия решений. Не-

смотря на данные ограничения, у Комиссии была дополнительная возможность реагировать на нарушения государств-членов через суд.

В ЕАЭС, в случае выявления неисполнения государством-членом своих обязательств, Комиссия не может обратиться в Суд ЕАЭС, что является уязвимым местом надзора в ЕАЭС. Это подтверждается практикой ЕС, где похожая наднациональная процедура имеет место в соответствии со ст. 258 Договора о функционировании ЕС [23]. Обычно неисполнение государствами-членами своих обязанностей происходит в форме бездействия по имплементации обязательств в рамках ЕС или принятия внутригосударственного акта, который противоречит обязательствам в рамках организации [24, р. 2419]. Существование обязательного и исключительного судебного органа для такого вида судебных дел отличает ЕС от многих международных организаций, а данная процедура является важнейшим инструментом обеспечения исполнения права ЕС.

На наш взгляд, с появлением ЕАЭС был упразднен уникальный элемент наднациональности и произошло возвращение к обычной практике, которая существует в международном публичном праве, где обеспечение международно-правовых договорных обязанностей решается между государствами – сторонами договора [25, р. 443]. Это не способствует эффективности судебного контроля и функционирования правопорядка ЕАЭС. Сохранение права ЕЭК на обращение в Суд ЕАЭС стало бы очень важным инструментом для обеспечения применения права ЕАЭС. Несмотря на некоторые критические замечания к такой процедуре ЕС в доктрине [24, р. 2420], фактом остается то, что государства – члены ЕС на практике исполняют такие решения Суда ЕС против них [26].

Другая процедура, которая была упразднена с появлением ЕАЭС, это преюдициальный запрос. Когда вопрос интерпретации права организации возникает в национальном суде, такой суд может приостановить судебный процесс и обратиться с запросом в суд организации за толкованием. В ЕС, когда национальный суд является судом последней инстанции, он обязан обратиться в Суд ЕС с таким запросом (ст. 267 ДФЕС). После вынесения решения он направляется назад в национальный суд, который выносит свое решение по рассматриваемому делу.

Суд ЕврАзЭС за время своего существования рассмотрел только одно такое дело – по запросу Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь [27]. В то же время, как показывает практика ЕС, Суд ЕС и национальные суды широко используют данную процедуру. На первый взгляд, система преюдициального запроса существует только для обеспечения единообразной интерпретации права организации среди государств-членов. Однако на практике данная процедура включает участие частного лица в качестве стороны в национальном суде, где данное лицо утверждает, что определенная национальная норма не должна применяться в связи с ее несовместимостью с правом организации. Обязательность такого решения и его обеспечение приобретает больший вес, если это решение вынесено собственным судом.

Данная процедура делает частных лиц в определенной степени инструментом для мониторинга исполнения государствами своих обязательств, вытекающих из соответствующих договоров. По мнению авторитетного исследователя европейского права Дж. Вейлера, развитая система средств судебной защиты,

среди прочего, «национализировала» обязанности, которые вытекают из членства в ЕС и ввела на уровень ЕС «привычку подчинения» и уважения к верховенству права, которое традиционно меньше ассоциируется с международными обязательствами, чем с национальными [24, р. 2421–2422].

Кроме упразднения таких важных процедур, Суд ЕАЭС имеет другие ограничения. Так, было введено положение о том, что «решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых» (п. 102 Статута). Есть несколько факторов, которые могли стать причиной введения данного пункта, в особенности последнего положения. Во-первых, это решение Суда ЕврАзЭС по делу «Южный Кузбасс» [28]. Как отмечает российский юрист-международник А. С. Исполинов, это решение стало первым на постсоветском пространстве случаем судейского активизма [7, с. 22]. Толкование договоров Судом ЕврАзЭС было значительно более широким, чем буквальный текст положений. Во-вторых, когда вопрос о компетенции международных судебных органов стал предметом исследования Экономического Суда СНГ, то последний определил, что «компетенция судебных органов, созданных в рамках интеграционных объединений, ограничена целями конкретного интеграционного объединения» [29]. Такая широкая интерпретация полномочий суда могла быть воспринята как угроза для государств – членов новой организации. В-третьих, это взгляды некоторых судей Суда ЕврАзЭС на необходимость суда создавать нормы права [12].

Наконец, в состав Суда входят по два судьи от каждого государства-члена (п. 7 Статута). Высший совет назначает по представлению государств-членов судей Суда ЕАЭС, а также освобождает их от должности (п. 10 и 11 Статута). Однако государства-члены также могут инициировать прекращение полномочий судьи при наступлении определенных оснований (п. 13 Статута). На наш взгляд, это может влиять на независимость судей, в отличие, например, от судей Суда ЕС, где освобождение от должности судьи возможно только единогласным решением самих судей (кроме судьи под вопросом) и генеральных адвокатов Суда справедливости. В Суде ЕврАзЭС данная ситуация также была несколько лучше, поскольку судьи назначались и освобождались от должности Межпарламентской ассамблеей (по представлению Межгоссвета на уровне глав государств).

Проведенный анализ позволяет говорить об ограниченных возможностях Суда ЕАЭС реализовывать свои функции, что может привести к невозможности достижения судом поставленной перед ним цели – обеспечить единообразное применение государствами-членами и органами права ЕАЭС. Несмотря на ряд положительных элементов системы правосудия ЕАЭС, а именно наличие отдельного судебного органа с полномочиями исключительно в рамках ЕАЭС, а также возможности хозяйствующих субъектов защищать свои права в данном судебном органе, некоторые ограничения Суда ЕАЭС приводят к вышеуказанному выводу. Во-первых, отсутствие способности Комиссии обратиться в Суд для обеспечения выполнения государствами-членами своих обязательств, а также отсутствие преюдициального запроса могут привести к тому, что государства-члены будут избегать выполнения своих обязательств, а право ЕАЭС будет применяться по-

разному. Во-вторых, узкое понимание процедуры толкования норм права ЕАЭС не будет способствовать единообразному пониманию права ЕАЭС и дальнейшей интеграции. В-третьих, определенная зависимость судей от государств-членов будет мешать выполнению ими своих функций.

Таким образом, для эффективности системы обеспечения права ЕАЭС, достижения Судом ЕАЭС определенной для него цели и для способствования дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС необходимо устранение вышеуказанных ограничений функционирования судебного органа, в первую очередь в части возвращения основных процедур обеспечения правопорядка ЕАЭС.

Список цитированных источников:

1. Каширкина, А. А. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: моногр. / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов; отв. ред. А. Я. Капустин. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «Контракт», 2012. – 368 с.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
3. Байльдинов, Е. Т. Договор о Евразийском экономическом союзе: шаг вперед, два шага назад / Е. Т. Байльдинов // Евраз. юрид. журн. – 2014. – № 10 (77). – С. 25–33.
4. Байльдинов, Е. Т. Особенности современного евразийского интеграционного правопорядка / Е. Т. Байльдинов // Евраз. юрид. журн. – 2012. – № 10. – С. 18–23.
5. Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве: моногр. / С. Ю. Кашкин [и др.]; под ред. С. Ю. Кашкина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 224 с.
6. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование / С. Ю. Кашкин [и др.]; под ред. С. Ю. Кашкина. – М.: Проспект, 2015. – 416 с.
7. Исполинов, А. С. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм? / А. С. Исполинов // Евраз. юрид. журн. – 2013. – № 5 (60). – С. 19–26.
8. Исполинов, А. С. Первые решения Суда ЕврАзЭС: теоретические и практические вопросы юрисдикции / А. С. Исполинов // Рос. правосудие. – 2013. – № 6 (86). – С. 89–101.
9. Исполинов, А. С. Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕврАзЭС / А. С. Исполинов // Евраз. юрид. журн. – 2013. – № 8 (63). – С. 21–30.
10. Каменкова, Л. Э. Экономический Суд СНГ и Суд ЕврАзЭС: сходства и различия / Л. Э. Каменкова, Е. В. Бабкина // Юстыця Беларусі. – 2012. – № 7. – С. 33–36.
11. Абдуллоев, Ф. А. Разрешение споров в рамках СНГ и ЕврАзЭС способствует интеграционным процессам / Ф. А. Абдуллоев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2010. – № 8. – С. 36–39.
12. Нешатаева, Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // Закон. – 2014. – № 6. – С. 106–119.
13. О Суде [Электронный ресурс] / Офф. сайт Суда ЕврАзЭС. – Режим доступа: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=18751>. – Дата доступа: 05.09.2014.
14. Об организации функционирования Суда Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс]: Решение Межгоссвета ЕврАзЭС, 27 апр. 2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
15. Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества [Электронный

ресурс]: [заключено в г. Минске 03.03.2004 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

16. Шинкарецкая, Г.Г. Суд СНГ – не судебное учреждение? [Электронный ресурс] / Г.Г. Шинкарецкая // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 42 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

17. Венская конвенция о праве международных договоров: [заключена 23.05.1969 г.] // Действующее международное право: в 2 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Юрайт, 2007. – Т. 1. – С. 216–247.

18. Opinion 1/91: Opinion of the Court, 14 Dec. 1991 [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61991CV0001>. – Date of access: 15.02.2015.

19. О формировании и организации деятельности Суда ЕврАзЭС [Электронный ресурс]: Решение Межгоссовета ЕврАзЭС (Высший орган Таможенного союза) на уровне глав правительств, 15 марта 2011 г. № 75 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

20. Статут Суда Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

21. Craig, P. EU Law: Text, Cases, and Materials / P. Craig, G. de Búrca. – 5th ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. – 1304 p.

22. Договор о Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]: [заключен в г. Москве 18.11.2011 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

23. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012E/TXT>. – Date of access: 15.02.2015.

24. Weiler, J. H. N. The Transformation of Europe / J. H. N. Weiler // The Yale Law Journal. – 1991. – Vol. 100, № 8. – P. 2403–2483.

25. Evans, A. The Enforcement Procedure of Article 169 EEC: Commission Discretion / A. Evans // European Law Review. – 1979. – № 4. – P. 442–456.

26. Sweet, A. The European Court of Justice, State Noncompliance, and the Politics of Oversight / A. Sweet, T. Brunel // American Political Science Review. – 2012. – Volume 106, № 1. – P. 204–213.

27. Решение Большой коллегии Суда ЕврАзЭС, 10 июля 2013 г. // Бюл. Суда Евраз. экономического сообщества. – 2013. – № 2. – С. 7–17.

28. Постановление Большой коллегии Суда ЕврАзЭС, 8 апр. 2013 г. // Бюл. Суда Евраз. экономического сообщества. – 2013. – № 1. – С. 47–52.

29. Консультативное заключение Экономического Суда СНГ № С-1/19-96 от 15 мая 1997 г. по вопросу, в какие конкретно международные судебные органы могут обращаться государства – участники Содружества Независимых Государств // Решения Экономического Суда Содружества Независимых Государств, 1992–2006 / Экономический Суд СНГ. – Минск: Ковчег, 2007. – С. 167–172.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2015

Карпович Н. А.

судья Конституционного Суда Республики Беларусь,

доктор юридических наук

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И ПРАВА ЕАЭС

В статье анализируются положения Конституции Республики Беларусь, обуславливающие цели и задачи взаимодействия права Республики Беларусь и права ЕАЭС, соответствующие аспекты политики государства, обеспечиваемые таким взаимодействием, организационную и правовую составляющие этого взаимодействия, а также его принципы, формы и методы, реализуемые в деятельности уполномоченных субъектов.

Глубокая международная экономическая интеграция в настоящее время является одним из важных факторов стабильного развития государств. Объективная необходимость взаимосогласованного решения общих задач, вытекающих из развивающихся внутригосударственных и международных общественных отношений, подразумевает новое качество их сотрудничества. Оно проявляется, в частности, в создании региональных интеграционных объединений, специфическим признаком которых выступает компетенция их органов особого рода. Такая компетенция включает издание правовых норм, обязательных не только для государств – участников договоров об образовании этих интеграционных объединений, но и подлежащих непосредственному применению к конкретным отношениям с участием граждан и национальных юридических лиц.

В качестве такой организации региональной экономической интеграции выступает Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) [1, статья 1]. ЕАЭС наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международными договорами в рамках ЕАЭС [1, пункт 1 статьи 5].

Согласно пункту 1 статьи 6 Договора право ЕАЭС составляют: Договор; международные договоры в рамках ЕАЭС; международные договоры ЕАЭС с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках ЕАЭС. Решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

В научной литературе совокупность норм интеграционного образования, которые содержатся в международных договорах об образовании интеграционной организации, а также нормативных правовых актах уполномоченных органов такой интеграционной организации предлагается называть системой интеграцион-